

**Валерий
КУВАКИН**

Статьё
свободой

МОСКВА

СМЫСЛ

Валерий Кувакин

Стать собой

НПФ «Смысл»

2010

УДК 16
ББК 87.4

Кувакин В. А.

Стать собой / В. А. Кувакин — НПФ «Смысл», 2010

Работа профессора МГУ имени М. В. Ломоносова посвящена анализу психологии отношений между личностью и содержаниями ее внутреннего мира, потребностями и «голосами» тела, опознанию Я в человеке. Обсуждаются вопросы внутренней безопасности личности, ее защиты от «вирусов разума», деструктивных мировоззрений, навязчивых идей и фанатизма. Предлагаются процедуры экзистенциального клиринга, мониторинга сознания, а также психо-интеллектуальные технологии личностного роста, дается общая характеристика современных, наиболее продвинутых моделей человека. Книга обращена к философам, психологам, культурологам и всем, кому интересны пути человеческого самопознания и совершенствования.

УДК 16
ББК 87.4

© Кувакин В. А., 2010
© НПФ «Смысл», 2010

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
НЕМНОГО ИСТОРИИ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ИДЕИ К ЧЕЛОВЕКУ	7
ОТ ИДЕЙ К ПОТРЕБНОСТЯМ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валерий Кувакин

Стать собой

ВВЕДЕНИЕ

Предлагая читателю эту небольшую книжку, я испытываю некоторое затруднение в определении ее тематики. По образованию я специалист в области философии. Но моей излюбленной проблемой во все большей мере становился человек, что определило мой дрейф в сторону психологии. Это стало ясно, когда я написал книгу «Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека».

Вместе с тем, сложилось так, что около 15 лет тому назад я оказался одним из учредителей «Русского гуманистического общества» (с 2001 г. – Российское гуманистическое общество). Моя работа как «организованного» гуманиста постоянно требовала практичности, в том числе и в вопросах психологии человека, его внутреннего мира и роли в нем мировоззрения. Российское гуманистическое общество – это специфическая организация. Она объединяет людей не по профессиональному или партийно-идеологическому принципу, а по *мировоззренческому*. *Основопологающие принципы современного светского гуманизма складываются из критического мышления, научной картины мира и общечеловеческих моральных, интеллектуальных и экзистенциальных ценностей.*

Учитывая критику в свой адрес в XX в., современный гуманизм, особенно внимательно следит за тем, чтобы не стать очередной «духовной» обузой для человека, очередной утопией и идеологией. С другой стороны, он, как одна из современных версий антропоцентрического мировоззрения, во избежание превращения в нечто эгоцентричное, нарциссическое или перфекционистское, вменяет себе в обязанность держаться в рамках здравого смысла и не уходит ни в область эзотерического и трансцендентного, ни в область элитарного.

Границы этих требования предполагают максимально ясное и трезвое понимание феномена человека, выяснение того, чем он может быть помимо мировоззрения, профессии и совокупности социальных ролей, *что есть собственно человек как человек*, не обремененный многообразными содержаниями внутреннего мира или даже культурными традициями. Иначе говоря, встает задача прояснить, с чего начинается человек, как он становится человеком, каково его аутентичное бытие или существование.

Для гуманизма этот поиск важен и по его внутренним причинам: ему нужно четко знать, каково его отношение к человеку, на каком основании он может сказать ему: попробуй примерить к себе меня как мировоззрение. При этом гуманизм должен сказать ему, чем он – как «изм» среди других «измов» – хорош и чем плох. Возможно, даже опасен, если захочешь стать и быть гуманистом. Но чтобы сказать это, важно знать, *кому* гуманизм говорит это. Что такое в этом смысле «пред» или «внемировоззренческий» человек, к которому он идет со своими, как предполагается, ценностями и возможностями? Насколько правомерно гуманистическое предложение, гуманистический проект для человека?

Многим такая постановка вопроса о человеке покажется неправомерной, невозможной или идеалистической. Но, утрируя их возражения, можно сказать: «Человек есть то, что он ест, пьет, слушает, видит, носит в себе, на себе...». Но так мы никогда не дойдем до человека.

Я исхожу из определенного метафизического предположения, что человек – это прежде всего личность, нечто не редуцируемое, имеющее в себе что-то такое специфическое и базовое, что составляет если не его неизменную природу, то его актуальный, данный здесь-и-теперь потенциал, собственно человеческую жизненную силу, разворачивающуюся как становление и бытие человека.

Если это хотя бы отчасти справедливо, то тогда нужно представить себе общую картину «архитектуры» человека, его внутреннюю динамику. А с практической точки зрения важно предложить *минимальные психологические, интеллектуальные и мировоззренческие процедуры* становления и роста личности, хотя бы во имя ее свободы и аутентичности, во имя ее возможности и права **самой стать и быть собой**.

Вот почему читатель найдет здесь и философию, и психологию, и мысли о гуманизме, и даже феноменологическую (не нормативную) «технологию» программы «стать собой».

НЕМНОГО ИСТОРИИ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ИДЕИ К ЧЕЛОВЕКУ

Если живешь относительно долго (кажется, я могу это сказать о себе – уже 70), то обретаешь историю. Свою собственную, в том числе и историю идей, обитающих в сознании. Некоторые из этих историй короткие, некоторые делятся десятилетиями, меняясь, перерастая в другие или вращаясь в другие, даже противоположные по содержанию. Процесс этот понятен и вполне прост. Если думаешь о чем-то, и это не дает тебе покоя, то не исключено, что находится решение, открывается какое-то продолжение хода мысли, возникает цепочка решений, а с нею – история идеи или проблемы.

Есть у меня одна такая история, начало которой трудно вспомнить, но хорошо знаю, что возникла она из смутной неудовлетворенности относительно *любых* мыслей или идей. Наблюдая за жизнью идей, я понял, что идея, с одной стороны, как таковая бессильна, а с другой, – кажется всемогущей, когда «овладевает массами». Но после некоторого периода идейного (идеологического или «духовного») насилия над ними она неизбежно терпит фиаско, будучи и в начале этого насилия над людьми и при своем издыхании извращенной и де факто признающей бессилие реализовать себя. И хотя мысль о немощи мысли перед лицом бытия и ее негативной мощи в отношении людей казалась слишком неопределенной, она обрела поддержку, упав на тексты Шестова, неустанно обращавшего внимание на «власть идей».

Перемены в России конца прошлого – начала нынешнего, XXI века также обострили вопрос об идеях, их трансформациях в индивидуальном и общественном сознании. Так, остро переживалось крушение идеи «научного социализма» и вообще марксизма как «науки» и «высшего достижения мировой культуры». Это переживание было полярным: почему такой властной оказалась в России идея марксизма-ленинизма или социализма (как ни крути, а верили в нее глубоко и массово), но, с другой стороны, почему идея «научного социализма» могла быть так чудовищно извращена в ее практике. Ведь если так обращаться, скажем, с идеями фундаментальных естественных наук, то они просто «не позволят» так практиковать себя – будет полный абсурд и крах эксперимента с самого его начала.

Скажут, так и получилось в СССР. Потому он и развалился. Может быть поэтому, может быть не поэтому. Не в этом здесь дело. Вопрос в другом: возможно ли в принципе истинное понимание марксизма (как и любого учения или идеи) и его «истинное» воплощение в жизнь. Мне кажется, нет, и я об этом писал. Во-первых, марксизм – не наука и даже более того – местами что-то весьма мессианское, агрессивное и насильническое, даже мрачное, во-вторых, *ни одна из идей – даже «естественнонаучная» – не имеет внутренней защиты от ее извращения в практике применения и реализации.*

Вот это последнее и занимало меня в период крушения СССР¹.

Другим направлением моих размышлений об идеях была ситуация в *отношениях* между идеями и личностью, в сознании которой обитают идеи². Как быть свободным человеком, не

¹ Одним из выражений этого интереса стала статья «Возможно ли демократическое понимание марксизма?» (Вестн. МГУ. Серия «Философия». 1991. № 6.).

² Под идеями в данном тексте я буду иметь в виду понятие, слово (или даже образ) для обозначения и презентации какой-либо действительности, феномена или процесса, а также некое единство содержания, которое так или иначе заключает эта идея, и безусловной идеальности ее формы. В дальнейшем, возможно, пойдет разговор о таких идеях, которые уже в своем формальном выражении не относятся к какой-либо реальности, т.е. им ничего не соответствует. Например, идея джигрища, написание которой на русском языке получилось в результате хаотичного движения моих пальцев по клавиатуре. Маловероятно, что этому слову что-нибудь соответствует в действительности, которую называют бытием, хотя есть и такие измерения мира, в которых оно закономерно существует. Но и об этом позже. Не рассматриваются здесь и такие идеи, которые заключают в себе содержания, заведомо не существующие. Это прежде всего достаточно большая группа псевдонаучных терминов,

подчиняться диктату идей и в то же время быть разумным человеком, иметь богатое содержанием мировоззрение, хранить в сознании, своем «идейном багаже» как можно больше идей, нужность которых трудно отрицать?

Что интересно, в России это мало кого волнует. Думаю, что мы все ещё недостаточно внутренне (да и внешне) свободны и осмотрительны, чтобы озаботиться этим. Странно, но на Западе об этом тоже мало думают. Видимо потому, что обошли эти темы юридически (а не мучились, как я, осмыслить их философски). Вместе с тем наши западные соседи настолько «естественно» и постепенно усвоили правило быть собой как свободными, критичными и ответственными существами, что и не заметили, как обрели относительно высокую степень внутренней свободы без философских рефлексий и когнитивных исследований в этой области, т.е. практически, эволюционно-исторически.

Результат оказался весьма эффективен: чувство свободы, достоинства, некое особое – *естественно* критичное, осторожное и прагматичное – отношение к идеям у людей в зрелых демократических обществах налицо. Но что особенно важно – они оставили позади себя эпохи религиозных и светских «идеократий», обществ, которые деспотически манипулируют внутренним миром людей с помощью той или иной идеи, идеологии. Освободившись от откровенного господства той или иной идеологии, они вступили в эпоху социального, идейного, идеологического и культурного плюрализма, перманентного разговора, обсуждения и обмена идеями – соответственно компромисса, консенсуса, полилога, договоренностей и т.д. – внутри сообщества. Можно сказать, что, не потеряв единодушия в общем и в каких-то фундаментальных принципах (это и обеспечивает национальное, государственное и общественное единство, духовное здоровье страны), люди Запада нашли способы сохранять, обогащать и главное – понимать и защищать разнообразие стилей жизни и мировоззрений как на уровне групп, так на уровне личностей. Соответственно утвердился и идейный плюрализм как норма, едва ли не как самый верный способ сохранения динамического социального равновесия и свободы, достоинства человека, независимо от того, каковы его убеждения. Оттого и терпимость, некая дистанция свободы по отношению друг к другу, гражданское, морально-правовое уважение к человеку так естественны в условиях реальной демократии.

В противоположность такому положению дел, большинство россиян все еще считают, что есть такие идеи, точнее одна, *русская идея*, которая должна «господствовать» в обществе, чтобы оно стало наконец-то счастливым или благополучным. Надо только найти ее и сделать всеобщей.³ На деле таких идей не существует. Т.е. может быть они и есть в книжке или в голове, *но не в жизни*. Какие только идеи не получали свою власть над людьми! Претворялись в жизнь. Итог был одинаково печален – все заканчивалось либо застоем и гниением, либо революциями. Непонимание роли идей в жизни аналогично нашим заблуждениям относительно разделения властей, обязательной выборности и периодической смене власти. Многие считают это необязательной, пустой формальностью, мол, разделение властей – формальная фикция, только усложняющая и бюрократизирующая общество. Смена власти – глупость, так как новая тоже будет «хапать», тогда как старая уже «нахапала», вот есть «хороший» человек во власти, пусть он всегда при ней и будет.

попросту лживые понятия, которые изобретают либо лжеученые, либо адепты различных паранормальных верований: «тонкие поля», «аура», «карма», «энергетика» (как некая сверхъестественная сила, а не в смысле «энергетическая промышленность») и т.д.

³ Здесь важно не путать идею и закон, точнее, конституцию, которая будучи «верховой» – отсюда и положение о верховенстве закона – перестает быть собственно идеей, а становится социально-правовой реальностью, поставленной людьми над самими собой. Закон тем самым превращается в социальную объективность, которую нужно просто знать и которой нужно подчиняться, как мы подчиняемся или учитываем в своей жизни законы природы. Единственным в данном случае существенным отличием принятого в обществе юридического закона от физического состоит в том, что первый может меняться в соответствии с предусмотренными для этого законами. Здесь понятно и то, что речь идет о законах, принятых свободным путем, с соблюдением необходимых демократических процедур.

Но оказывается, что без этой простой и казалось бы излишней *социальной механики* свобода и демократия, рациональная организация общественной жизни *невозможны*. Выскажу мысль, способную возмутить многих: в этих случаях именно сам *принцип* разделения властей и смены выборной власти *важнее* тех лиц – «хороших» ли или «плохих», – которые выбираются и меняются. Главное, чтобы они свободно и демократично выбирались и обязательным образом менялись.

И тогда изменения к лучшему не заставят себя ждать. (Не буду развивать эту мысль, отсылаю интересующихся к любому элементарному учебнику по политологии.)

Большинству россиян приоритет права и закона кажется неприемлемым равнодушием и рассудочностью в отношениях между людьми, бездушием и холодностью, ригоризмом и скукой... Можно согласиться, что налет всего этого есть в отношениях между собой у европейцев или американцев. Но неоспоримы и преимущества. Это как правильная температура в помещении: и не слишком жарко, чтобы не расслабляться, и не слишком холодно, чтобы замерзнуть. Но ничего существенного люди там не утратили: ни чувств, ни сердечности отношений, ни умения радоваться, ни бдительности в отношении сохранения своих прав и свобод, ни гражданской активности и т.д.⁴ Они обрели в итоге зрелое и прочное чувство ответственности, надежности отношений, уважения человека и его собственности, понимание важности «игры по правилам», высокой значимости профессионализма, хорошего качества труда и т.д.

Но опять-таки не это главная моя тема. Главная – вопрос об идеях и их судьбе в сознании и жизни человеке, вопрос об их роли в судьбе человека. Подозреваю, что для большинства такая формулировка представляется неясной или непонятной. Но нужно набраться терпения, ведь не исключено, что нам удастся прояснить в этой области кое-что важное для жизни каждого из нас, независимо от того, кто мы по профессии, что думаем об окружающем и какой образ жизни ведем.

Если вернуться к моей истории о роли идей и их отношении ко мне и о моем – к ним, то нужно сказать, чем кончилась для меня вся эта разборка. Долгое время я «боролся» с идеями моего внутреннего мира, обуздывая их, развивая систему контроля и мониторинга этой области моего сознания. Я старался (стараюсь и сегодня) быть критичным и скептическим, вырабатывать умение запускать в мышление как можно больше разных и конкурирующих идей, чтобы заставить их хотя бы бросаться друг на друга, и меньше тем самым – не меня. Но все время сверлила мысль: ну хорошо, загонишь ты свои идеи в нечто вроде «зоопарка», будешь с ними обращаться как со слугами, может быть, добьешься от них послушания, но кто в тебе будет задавать программу работы с идеями. Да и сами эти установки и принципы работы с идеями разве не являются некоторой идейной программой? Если идеи нас программируют, то кто, если не идеи, могут или должны программировать идеи так, чтоб лишить их диктаторских притязаний? Есть ли в человеке какие-то качества или инстанции, которые могут управлять идеями благотворным для него образом? А вдруг программирование идей и управление ими в принципе невозможно без идей? Тогда круг замкнется и из него не будет выхода.

Но в какой-то момент пришел ответ: это дело могут и должны взять на себя наши естественные потребности.

⁴ Когда я смотрел телерепортажи о саммите «двадцатки» (начало апреля 2009 г.) я не мог не поражаться высокой политической активности демонстрантов, десятками тысяч вышедших на улицы «хоронить» капитализм. Да, социализма в их сознании, думал я, много больше, чем у тех из россиян, которые ненавидят демократию, либерализм, капитализм и называют себя советскими людьми, сторонниками социализма и марксизма. И это, пожалуй, не мировоззренческая проблема, а проблема качества мировоззрения человека, его общей интеллектуально-психологической и гражданской зрелости .

ОТ ИДЕЙ К ПОТРЕБНОСТЯМ

Ответ показался неплохим. Хотя бы потому, что потребности – это что-то изначально мое, особенно если речь идет о базовых естественных потребностях. Потребность – не пришелец, она рождена со мною и во мне как способ выживания в условиях планеты Земля, в фундаментальных условиях бытия природы. Конечно, потребности историчны и эволюционны, но это мало что меняет в онтогенетическом смысле. Вот идеи – это пришельцы, их – великое множество, целые вселенные, даже *противоположные по своему содержанию и смыслу*, и я перед ними – просто букашка, ничто. Повторю: они такие разные, вплоть до противоположности, что мысль о том, что есть «хорошие» идеи, а есть «плохие», начинает буксовать, поскольку мы можем видеть счастливых людей, руководствующихся «плохими» (с точки зрения «наших» идей) идеями и несчастных, живущих по «хорошим» идеям. Мало этого. Идеи без стука приходят и иногда уходят как безответственные часовые со своего поста, обрекая человека на беззащитность, на одиночество, точнее на ситуацию, когда ты один на один с этим бесконечным огромным миром, который есть *не-Я*.

А вот потребность – это исконно мое, изначально присутствующее во мне как часть *моей жизни*. Потребность – это совсем не идея. Если я ищу смысла, то это выражение именно моего собственного желания, потребности, в ней нет никакой идеи, а есть выражение меня как человека. Подавляющее большинство потребностей, если не все, в своей изначальной данности суть способы *моего*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.